ГЛАВА 4. МАЙ III

1

Я снова очутился в районе Мисаки, возле «Пустых синих глаз в сумраке Ёми», почти через неделю, в пятницу, и теперь – действительно в сумерках.

Тогда я здесь оказался абсолютно случайно – наткнулся на это место, слоняясь по городу; однако теперь ситуация была немного иная. Нет, я не хочу сказать, что с самого начала намеревался сюда прийти. Я преследовал другую цель, а в результате очутился здесь, хотя вовсе не собирался.

Солнце еще не зашло. Но света уже стало так мало, что слово «сумерки» вполне годилось. Если бы даже в красных лучах закатного солнца ко мне подошел кто-то знакомый, не думаю, что смог бы с ходу его узнать.

О своей изначальной цели я уже практически не думал. «Надо просто отправляться домой», – с этой мыслью я почти уже развернулся, когда вдруг заметил кое-что. Прямо передо мной была вывеска «сумрака Ёми».

Мои ноги сами зашагали к ней, будто их тянуло что-то. За овальной витриной, как и на прошлой неделе, виднелась красивая, но пугающая верхняя половина девушки, и я мертво отражался в ее «пустых глазах».

Что же это за место?

На что оно похоже внутри?

Эти вопросы не выходили у меня из головы еще с того, первого раза…

Устоять перед любопытством было невозможно. Решительно загнав изначальную цель в дальний уголок сознания, я открыл дверь рядом с вывеской.

Над головой глухо звякнул колокольчик. Я робко вошел.

Внутри царила довольно гнетущая атмосфера, во многом из-за тусклого, рассеянного освещения; здесь было больше похоже на сумерки, чем настоящие сумерки на улице. Помещение оказалось довольно просторным – просторнее, чем я ожидал, – и я не видел дальней стены. То тут, то там горели разноцветные лампочки, выхватывая из темноты множество кукол. Среди кукол попадались большие, выше метра ростом, но в основном были маленькие.

– Добро пожаловать, – поприветствовал посетителя голос.

Слева от входа, прямо за витриной, стоял длинный тонкий стол, за которым я различил некую фигуру. На фигуре была одежда тусклой расцветки, из-за чего она как будто сливалась с полумраком комнаты. Судя по голосу, это была женщина, причем старая.

– Э… зд-дравствуйте.

– О, что такое? Нечасто к нам заходят молодые люди. Вы клиент? Или, быть может…

– Это, я просто проходил мимо и подумал, что здесь за магазин. Здесь же… магазин, да?

На одном из краев стола стоял древний кассовый аппарат. На деревянной табличке перед ним желтым мелом было выведено: «Вход на выставку – ¥500». Я покопался в карманах школьной формы и достал кошелек.

– Вы учитесь в средней школе? – спросила женщина, и я вздрогнул.

Тут же взял себя в руки и ответил:

– Да, в Северном Ёми.

– В таком случае можете пройти за полцены.

– Эмм, спасибо.

Я подошел к столу и подал требуемую сумму. Протянутая ко мне рука действительно оказалась старой и морщинистой; и теперь я смог разглядеть лицо женщины.

Абсолютно белые волосы, крючковатый нос, как у колдуньи. Глаз ее я не видел, потому что она носила очки с темно-зелеными линзами.

– Ээ… это кукольный магазин? – тихо спросил я.

– Кукольный магазин? – старуха склонила голову набок и что-то пробормотала себе под нос, потом продолжила: – Ну, полагаю, наполовину магазин, наполовину выставка.

– …А.

– Мы действительно продаем, но не то, что может себе позволить мальчик из средней школы. Но не стесняйтесь, смотрите сколько душе угодно. Других посетителей все равно сейчас нет.

Старуха положила обе руки на стол и медленно подалась вперед. Судя по этому движению, в обычной позе она меня плохо видела.

– Я сделаю чай, если вам угодно, – сказала она, придвинувшись настолько, что я ощутил ее дыхание. – У задней стены есть диванчик; если вы устанете, можете присесть и отдохнуть.

– Хорошо. А, но… чай не нужно, спасибо.

– Чувствуйте себя как дома.

2

В магазине – видимо, все-таки правильнее сказать «на выставке» – играла струнная музыка, такая же унылая, как и освещение. Похоже, основную мелодию вела виолончель. Где-то когда-то я эту мелодию уже слышал, но (увы мне) в этих делах я был полным неучем. Пусть мне скажут, что это шедевр классической музыки от великого композитора или что это какой-нибудь современный хит – в любом случае я отвечу «вот как?» и приму сказанное на веру.

Сумка мне мешала, поэтому я положил ее на диван, а потом, стараясь дышать и шагать как можно тише, принялся разглядывать кукол – их были буквально толпы.

Сначала я невольно оглядывался время от времени на старуху за столом, но вскоре перестал о ней думать. Куклы в полумраке комнаты полностью захватили меня, ни на что другое внимания не оставалось.

Стоящие куклы, сидящие куклы, лежащие куклы. Куклы с удивленно распахнутыми глазами, куклы с задумчиво прикрытыми глазами, куклы с сонно закрытыми глазами…

Большинство кукол изображали красивых девочек, но попадались и мальчики, и животные, и даже вовсе странные существа, полулюди-полузвери. А еще здесь были картины на стенах, не только куклы. Особенно бросались в глаза картины маслом с разными фантастическими пейзажами.

Примерно половина кукол, как и та, что в витрине, были шарнирными. Все их суставы – запястья, локти, плечи, лодыжки, колени, тазобедренные – были сделаны в виде шариков, чтобы куклы могли принимать любые позы. Это придавало им уникальное, магнетическое очарование.

Как бы это выразить словами? Они были полны холодного, приторного реализма и в то же время нереальны. Они походили на людей и в то же время не походили. Они были частью мира смертных, но не вполне принадлежали ему. Как будто им удалось принять эту форму и сохранить тень своего существования на призрачной грани между «здесь» и «там»…

…Сколько прошло времени?

Я глубоко дышал. Как-то незаметно меня охватила нелепая мысль: что я должен дышать за них, лишенных своего дыхания.

Я немножко знал про этот тип кукол.

Среди книг отца я как-то нашел фотоальбом с работами немецкого кукольника Ханса Беллмера – кажется, это было на весенних каникулах перед тем, как я пошел в среднюю школу. И еще я видел пару фотоальбомов с уймой кукол, сделанных уже в Японии, но под некоторым влиянием Беллмера.

Однако вживую и вблизи я их видел впервые, тем более в таком количестве.

Я продолжал дышать глубоко – уже сознательно. Отчасти из-за ощущения, что иначе мое дыхание может вообще прекратиться, а я и не замечу.

Рядом с большинством кукол были таблички с именем автора. И рядом с большинством картин на стенах тоже. Все имена были мне незнакомы, но мало ли, может, среди них есть какие-нибудь знаменитости.

Эту табличку я обнаружил в самом дальнем углу, когда, закончив осматривать лес кукол, уже собрался было вернуться к диванчику и забрать сумку.

Рядом с надписью была стрелка, показывающая под углом вниз. Чего?.. Подойдя почти вплотную, я увидел наконец лестницу в подвал.

Я обернулся на старуху.

Она сидела за столом, опустив голову, и совершенно не двигалась. Может, она дремала. Или думала о чем-то. В любом случае…

Раз тут ясно написано «добро пожаловать», вряд ли я должен спрашивать, прежде чем спускаться.

По-прежнему глубоко дыша, я тихо направился к лестнице.

3

В подвале было теснее, чем на первом этаже. И здесь было довольно прохладно – ощущение такое, будто я попал в гробницу.

Низкая температура была, наверно, из-за того, что владельцы контролировали влажность осушителем воздуха. Несмотря на это рациональное объяснение, мне казалось, что с каждым шагом вниз из меня жизнь высасывается, – возможно, из-за того, что холод полз по ногам вверх. Когда я спустился до конца, у меня в голове почему-то все затуманилось, а на плечи словно навалился невидимый груз.

И –

Как я и ожидал (хотя особых оснований для этого не было), передо мной открылась картина, не имеющая ничего общего с миром смертных.

В таком же тусклом свете, как и на первом этаже, хотя и более белом…

Куклы в колоссальном количестве были на антикварном ломберном столе, на креслах, в старинных шкафчиках, на каминной полке, даже прямо на полу. Хотя точнее было бы сказать не «куклы», а «разнообразные части кукол».

Верхние части, вроде той девочки у окна, стояли на столе, животы лежали в креслах, головы и руки – на полках. Такая вот комната. Несколько рук стояло внутри камина, ноги торчали из-под шкафов и кресел.

Если попробовать представить себе комнату по такому описанию, трудно отделаться от мысли, что это что-то гротескное и тошнотворное; однако, как ни странно, ничего подобного я не чувствовал. Чувствовал я, сам не знаю почему, какую-то высшую эстетику в том, как тут все было устроено, включая хаотичное нагромождение фрагментов. Хотя, может, это только мое воображение.

Кроме камина, в беленных известкой стенах было еще несколько углублений. Естественно, их тоже занимали куклы.

В одной нише я увидел куклу, у которой недоставало только правой руки; лицом она походила на девочку в витрине. В соседней нише был мальчик, нижнюю половину лица которого укрывали сложенные тонкие крылья, как у летучей мыши. И еще в одной нише были красивые сиамские близнецы, сросшиеся на уровне животов.

По мере того как ноги медленно несли меня вглубь комнаты, мое дыхание становилось все глубже – еще глубже, чем раньше.

С каждым вдохом холод проникал мне в легкие и словно расходился по всему телу. «Как будто с каждым шагом я все ближе подхожу к их миру», – неожиданно подумалось мне. А может…

Здесь играла та же тоскливая струнная музыка, что и наверху. Если бы она прекратилась, я, может, услышал бы тайное перешептывание кукол в этом холодном подвале. Такая мысль меня тоже посетила…

Почему?

Что я делаю здесь, окруженный со всех сторон этими штуками?

Конечно, этот вопрос я не задал себе в таких конкретных словах.

Что я сейчас здесь делаю…

…Моя первоначальная цель. Если не выбирать красивых слов – я следил кое за кем.

После шестого урока я собрался идти домой вместе с Юей Мотидзуки, фанатом Мунка, который жил в той же стороне, что и я. Как-то так получилось, что к нам присоединились Кадзами, Тэсигавара и щуплый, с детским лицом паренек по имени Маэдзима (он вроде один из лучших в секции кендо). Идя по коридору, я вдруг увидел в окно Мей Мисаки, бредущую через школьный двор. Почему-то после большой перемены она не появлялась в классе, и я понятия не имел, где она пропадала.

Я бросил: «Ладно, ребят, пока», – и сбежал. Парням, которые были со мной, при виде моей реакции небось захотелось простонать: «Блин, он опять…»

Та самая Мей, которая в понедельник и вторник на этой неделе вовсе прогуляла школу.

Может, она правда сильно поранилась? Чем дольше она отсутствовала, тем сильнее я беспокоился; однако настала среда, и утром Мей явилась как ни в чем не бывало и преспокойно уселась за свою заднюю парту у окна. По ней совершенно не было видно, чтобы она болела или еще что-то.

Я подумал, что, может, мне удастся с ней поговорить на крыше во время физкультуры, ну, как на прошлой неделе. Однако моим надеждам не суждено было сбыться. Она просто не пришла. И до конца дня ее уже не было. Правда, в четверг и пятницу – то есть вчера и сегодня – мне удалось пару раз перекинуться с ней словами. Честно говоря, я с удовольствием бы поговорил подольше и побольше, но что я мог? У меня просто не было ни шанса…

И вот я ее увидел, как раз когда направлялся домой.

Задним умом понимаю, что вел себя просто постыдно. Я поддался импульсу. Пулей вылетел из школьного здания и побежал в том направлении, куда ушла Мей. Потом увидел, как она выходит через задние ворота. Я вполне мог бы позвать ее, но выкинул эту мысль из головы и решил незаметно двигаться за Мей.

Так началась слежка, которая и была моей «изначальной целью».

Я шел за Мей, периодически теряя ее из виду на улицах города, который по-прежнему знал неважно, но всякий раз обнаруживая опять. Конечно, я думал, что непременно окликну ее, когда подойду достаточно близко. Но почему-то расстояние между нами не очень уменьшалось, и с какого-то момента следовать за Мей и стало моей целью.

Начали подбираться сумерки, и я потерял ее из виду в очередной раз, теперь уже окончательно; это было совсем недавно. Я понятия не имел, каким именно путем шел, но, сам того не сознавая, я очутился здесь – в районе Мисаки, возле «Пустых синих глаз в сумраке Ёми».

Мей Мисаки.

За те несколько дней, что я успел провести в новой школе, исходящее от нее ощущение

загадочности – я бы даже сказал, «потусторонности» – становилось все мощнее и глубже, формируясь в моей голове в «нечто».

Тем не менее я не мог в полной мере понять, что это за «нечто». Была уйма вещей, по поводу которых я ничего не понимал и не мог сформировать своего мнения; честно говоря, того, чего я не понимал, было намного больше, чем наоборот. Плюс еще недавние слова Мидзуно-сан. Я отчаянно пытался придумать, как же мне интерпретировать ее информацию, но ничего в голову не приходило. Честно – я был просто в растерянности.

Конечно, самый быстрый путь – спросить саму Мей. Я это знал, но…

– …А!

У меня вырвался вскрик. Я увидел кое-что в дальнем конце этого странного подвального помещения – кое-что, что до сих пор избегало моего взгляда.

Это был…

Поставленный вертикально шестиугольный черный ящик в рост ребенка. Гроб? Ну да, гроб. Большой гроб в западном стиле, запрятанный сюда; а в нем…

У меня перед глазами все поплыло; я помотал головой, чтобы прийти в себя. Растирая руками замерзшие плечи, я подошел к гробу. Там была кукла – выполненная в совершенно ином стиле, чем остальные куклы в подвале. Мой взгляд буквально прилип к ней.

Кукла девушки, целая – с руками, ногами, головой, – одетая в тонкое белое платье.

Она была чуть меньше, чем в реале. Это я мог сказать совершенно точно, потому что знал кое-кого, кто выглядел в точности как эта кукла.

– …Мей?

Вот почему мой голос слегка дрожал.

– Почему?..

Почему она похожа на Мей?

Волосы у куклы были красновато-коричневые, не как у Мей, и спускались ниже плеч, но черты лица, телосложение… все было точь-в-точь как у Мей Мисаки, которую я знал.

Правый глаз, уставившийся в пространство, – «пустой синий глаз». Левый – скрыт за волосами. Кожа – еще более бледная и восковая, чем у настоящей Мей. Бледно-розовые губы – чуть приоткрыты, как будто кукла вот-вот скажет…

Что?

Кому?

Что ты, черт возьми, такое?..

Голова стала кружиться еще сильнее. Мягко сжав ее руками, я стоял перед гробом, застывший, ошеломленный. И тут –

Из ниоткуда ко мне пришел ее голос, хотя я понятия не имел, как я мог его слышать.

– Пф. Значит, такие штуки тебе не противны, Сакакибара-кун?

4

Разумеется, кукла в гробу не говорила – это невозможно. Но на миг я был полностью уверен, что это именно она; ничуть не преувеличу, если скажу, что у меня чуть снова разрыв легкого не случился от потрясения. Я сделал шаг назад, непонимающе глядя кукле в лицо.

В следующий миг мне показалось, что я услышал смешок. Но, конечно, губы куклы не шелохнулись.

– Что ты здесь делаешь? – вновь раздался голос.

Это точно был голос Мей Мисаки. Значит, он правда исходил от куклы передо мной.

Галлюцинация? Не может быть…

Я убрал руки от лица и помотал головой. И лишь тогда увидел новую фигуру.

Темно-красная портьера, находящаяся сбоку от гроба и потому затененная им, отодвинулась. И из-за нее беззвучно появилась она – настоящая Мей Мисаки.

Это выглядело так, будто стоящая передо мной кукла отбросила тень и эта тень вдруг обрела плоть, хоть и оказалась одета в форму Северного Ёми, а не в платье.

У меня вырвалось «уу», потом –

– Чего…

– Я не пыталась спрятаться и напугать тебя, – ответила Мей своим обычным холодным голосом. – Ты сам случайно сюда подошел.

…Что тогда ты тут делаешь? Главное – как ты так внезапно здесь очутилась? В смысле, блин…

Мей беззвучно обошла гроб. Школьной сумки при ней не было.

Остановившись перед гробом, она искоса глянула на куклу.

– Ты решил, что она похожа на меня? – спросила она.

– А, ага.

– Она похожа. Но она – только половина меня. Может быть, даже меньше.

С этими словами она медленно потянулась к кукле правой рукой и погладила ее красновато-коричневые волосы. Я увидел скрытый прежде левый глаз. На нем не было повязки, как у Мей; это был «пустой синий глаз», такой же, как правый.

– Что ты тут делаешь? – наконец выдавил я.

Мей легонько провела пальцем по щеке куклы.

– Я спускаюсь иногда сюда. Мне здесь нравится.

…Это мне мало что сказало.

Оставалось непонятным, зачем вообще она пришла в этот дом.

– У меня к тебе тоже есть вопрос, – Мей повернулась спиной к кукле в гробу, а ко мне, соответственно, лицом. – Что ты здесь делаешь, Сакакибара-кун?

– Ээ… я…

Не мог же я сознаться, что следил за ней от самой школы.

– Мне уже давно было интересно, что это за магазин. На той неделе я сюда случайно забрел и увидел его. И сегодня решил зайти внутрь.

Выражение лица Мей не особенно изменилось; она просто кивнула.

– О. Интересное совпадение. Некоторые считают, что такие куклы, как на этой выставке, страшноватые. Ты к ним не относишься, да?

– Ну…

– Что ты подумал? Когда зашел сюда?

– Я подумал, что это классно. Не могу объяснить словами, но они красивые. Они как будто из другого мира, и когда я на них смотрю, у меня в груди начинается что-то…

Я изо всех сил пытался подобрать слова, но объяснение получилось каким-то неуклюжим. Мей ничего не ответила и молча подошла к одной из ниш в стене:

– Мне вот эти нравятся больше всех, – сказала она, заглянув в нишу. Там были красивые сиамские близнецы, которых я уже видел. – У них такие мирные лица. Они могут быть так спокойны, хоть и связаны между собой. Это странно.

– Может, они спокойны именно потому, что связаны.

– Вряд ли, – пробормотала Мей, потом продолжила нормальным голосом. – Если бы они были спокойны, потому что не связаны друг с другом, я бы поняла.

– Хммм.

Разве обычно не наоборот? Так я подумал, но произносить ничего не стал, а просто смотрел на нее. Мей шевельнулась, и я решил, что она собирается снова повернуться ко мне, но она вместо этого вдруг спросила:

– Ты хотел узнать, почему у меня повязка на левом глазу, да?

– Нет, я –

– Хочешь, покажу?

– Э?..

– Хочешь, покажу, что у меня под этой повязкой?

Мей прикоснулась кончиками пальцев левой руки к белой повязке. Правая рука взялась за шнурок, обхватывающий ухо.

В полном шоке и недоумении, я не мог отвести взгляда от движений ее рук. Фоновая струнная музыка в какой-то момент прекратилась. В этой чуднОй подвальной комнате, наполненной молчанием и безголосыми куклами, меня охватило ощущение, будто Мей делает что-то непристойное; я попытался скинуть это ощущение.

Теперь уже в любой момент…

Повязка Мей спАла. Увидев ее левый глаз, я ахнул.

– Э-это…

Пустой синий глаз.

– Это… искусственный глаз?

Совсем как у куклы в гробу.

Он не имел ничего общего с черным правым глазом, устремленным на меня. Этот синий глаз был в точности как те, в глазницах куклы; он блестел так же безжизненно…

– Слева у меня – «глаз куклы», – шепотом произнесла Мей. – Он видит то, что лучше бы не видеть, поэтому обычно я его закрываю.

…Это не очень-то многое объяснило.

Я не понимал ни что она имела в виду, ни почему она все это делала.

У меня опять начала кружиться голова. Дыхание стало хриплым, сердце, казалось, колотилось прямо в ушах. И все тело охватил холод еще сильнее, чем прежде.

– Ты себя нормально чувствуешь?

В ответ я вяло качнул головой. Глаз Мей, который не был «глазом куклы», сощурился.

– Возможно, здесь все-таки не самое лучшее место, если ты не привык.

– В смысле?

– Куклы… – начала было Мей, потом замолчала. Вернула повязку на место и продолжила: – Куклы пустые.

Пустые, в сумраке Ёми…

– Куклы – это пустота. Их тела и сердца – полная пустота… вакуум. Эта пустота похожа на смерть.

Мей продолжала говорить, будто открывая мне тайны мира смертных.

– Пустые вещи хотят заполнить себя чем-то. Когда их помещают в такое замкнутое пространство с таким равновесием… становится плохо. Поэтому. Ты не чувствуешь, что из тебя высасывают? Высасывают все, что внутри?

– Ага…

– Ты перестанешь обращать внимание, когда привыкнешь. Идем, – Мей беззвучно прошла мимо меня и направилась к лестнице. – Наверху получше.

5

Старухи за столом у входа уже не было. Интересно, куда она делась. Отошла в туалет? Струнной музыки по-прежнему не было слышно, и в унылом магазине-выставке царила гробовая тишина. Как будто «смерть» действительно была где-то рядом…

Мей без колебаний села на диванчик, где я оставил сумку. Она молчала, и я тоже молча сел, повернувшись к ней вполоборота.

– Ты сюда часто ходишь? – осторожно начал я расспрашивать.

– Думаю, да, – сухо пробормотала Мей.

– Ты живешь где-то рядом?

– Ага.

– Тут… на вывеске снаружи написано: «Пустые глаза…» Так называется этот магазин – ну, выставка?

Мей молча кивнула, и я продолжил:

– А что такое «Студия М»? Такая табличка под вывеской.

– На втором этаже кукольная мастерская.

– Там делают кукол?

– Там делают кукол Кирики, – поправила Мей.

– Кирика?

– Пишется с помощью кандзи «туман» и «фрукт». Так зовут женщину, которая делает кукол в студии наверху.

Тут я вспомнил, что видел это имя на табличках возле некоторых из кукол, выставленных на первом этаже. И, кажется, возле некоторых из картин.

– Куклы в подвале тоже ее? – Я кинул взгляд на лестницу. – Там ни одной таблички нету.

– Думаю, там они все ее.

– И та, в гробу?

– …Да.

– Эта кукла… почему она… – я просто не мог не спросить. – Почему она так похожа на тебя?

– Не знаю, – Мей, приподняв голову, ушла от ответа. Притворялась? Похоже на то.

Уверен, у нее есть основания для этого. Наверняка она знает. И все же…

Я тихо вздохнул и уткнулся взглядом в колени.

У меня была уйма вопросов. Но что именно спрашивать и какими словами? Блин. Чего об этом размышлять. Вряд ли тут найдется ответ, в который можно ткнуть пальцем и сказать: «Вот! Вот идеальное решение».

Собрав волю в кулак, я наконец приступил.

– Я уже спрашивал, когда мы разговаривали на крыше. Когда мы впервые встретились в лифте в больнице, ты что-то держала. Это тоже была кукла?

В прошлый раз она не стала отвечать. Но сегодня реакция Мей была другой.

– Да.

– Ты говорила, тебе надо «отнести ее» куда-то?

– …Ага.

– Ты же вышла на втором подвальном этаже, да? Ты шла в морг?

Мей резко отвела взгляд, будто спасаясь от чего-то, и в помещении вновь повисло молчание. Если бы ответ был «нет», вряд ли она бы так сделала. Ну, мне так показалось.

– В тот день – двадцать седьмого апреля. Я слышал, в больнице умерла одна девочка. Ты не…

Может, это освещение было виновато, но лицо Мей показалось мне более бледным и восковым, чем обычно. Бледные губы слегка дрожали.

«Ой-ей-ей… она сейчас превратится в куклу, как та, в гробу». Эта идиотская мысль мелькнула у меня в голове, и мое сердце сжалось.

– …Это…

Я отчаянно пытался хоть что-нибудь сказать, хоть как-нибудь поддержать увядший разговор.

– …Эээ, я, в смысле…

Судя по тому, что Мидзуно-сан рассказала мне по телефону в прошлую субботу…

Девочку, умершую в больнице, звали не то Мисаки, не то Масаки. Что это значило? На что это могло намекать? Было не очень трудно прийти к выводам, позволяющим связать все воедино, но…

– Скажи… Мисаки-сан, у тебя есть старшая сестра или, может, младшая? – набравшись храбрости, спросил я наконец. После краткой паузы, по-прежнему не глядя на меня и не произнося ни слова, Мей качнула головой.

«Она была единственным ребенком в семье, родители были вне себя от горя».

Это тоже мне сказала тогда Мидзуно-сан.

Умершая девочка – единственный ребенок в семье. И у Мей нет сестер. Однако здесь никакого противоречия. Это могла быть не родная ее сестра, а двоюродная, скажем, или… В общем, возможны разные варианты. То же самое с вопросом, звали ту девочку Мисаки или Масаки. Это может быть совпадение, а может быть не совпадение. А может быть вообще ошибка в том рассказе, который я услышал…

– Тогда почему ты?..

Внезапно она меня резко перебила – словно ударила.

– Действительно, почему!

Она снова уставилась на меня. Ее черный глаз – не кукольный – излучал холод, и мне вдруг показалось, что он видит все насквозь. На этот раз уже я невольно отвел взгляд.

По рукам у меня мурашки побежали. И не только по рукам, а словно и в голове засуетились.

Что это? Что происходит?

Я ничего не понимал.

Заставив себя снова дышать глубоко и размеренно, я пробежался взглядом по армии кукол. Возникло вдруг ощущение, что они смотрят на меня, все до единой. Старухи за столом по-прежнему не было… и тут я вспомнил наш с ней недавний разговор. Лишь сейчас мое внимание привлекла некая фраза… Что старуха хотела этим сказать?

…Аах, по-прежнему не понимаю. Слегка… да нет, ни черта не понимаю.

Сделав особо глубокий вдох, я снова посмотрел на Мей.

На какой-то миг из-за освещения мне показалась, что ее сидящая на диване фигура вся превратилась в глубокую тень. Я вспомнил то впечатление, которое у меня возникло, когда я впервые увидел ее в классе. «Тень» с размытыми контурами, практически за гранью реальности…

– Уверена, ты хочешь многое у меня спросить, – сказала Мей.

– Аа, это…

– Так будешь спрашивать?

Ее прямой вопрос заставил меня в панике искать, что ответить. Уголком глаза я видел ее блестящий именной бейджик на школьной форме. Слово «Мисаки», напечатанное черными чернилами на мятой, грязной светло-сиреневой карточке…

Я зажмурился, потом снова открыл глаза, пытаясь как-то привести эмоции в порядок.

– С того самого дня, как я сюда перевелся, мне куча вещей кажутся странными. И… ну, поэтому я…

– Я тебе говорила, чтобы ты был осторожен? – Мей тихо вздохнула и пробежалась кончиками пальцев по краю повязки. – И я тебе говорила не подходить ко мне. Но, может быть, уже поздно.

– Поздно? Что поздно?

– Ты все еще ничего не знаешь, да, Сакакибара-кун? – она снова тихо вздохнула и выпрямилась, оторвавшись от спинки дивана. – Это долгая история.

И Мей начала говорить; голос ее звучал чуть глуше, чем раньше.

– Эта история случилась давно… двадцать шесть лет назад в Северной средней школе Йомиямы, в классе три-три. Неужели тебе еще никто ее не рассказывал?

6

– Двадцать шесть лет назад в Северном Ёми был один ученик. «Его» все любили с первого класса. «Он» был хорош в учебе, спорте, искусстве, музыке… и все-таки не из тех вундеркиндов, от которых тошнит. «Он» по-доброму относился абсолютно ко всем, причем это тоже не зашкаливало. И поэтому «его» все обожали – и другие ученики, и учителя.

Мей тихо рассказывала, уставившись куда-то в пространство. Я слушал, не перебивая.

– Когда перед последним годом всех распределяли по классам, «он» угодил в класс три. Начался первый триместр, этому ученику исполнилось пятнадцать, а потом «он» внезапно погиб. Говорят в основном, что «он» вместе с семьей попал в авиакатастрофу, но есть и другие версии. Что не самолет разбился, а машина, или что дома был пожар… разные, в общем.

Короче, весь класс был просто в шоке. «Не может быть», «не верю» и тому подобное. От горя все были как пришибленные. И вдруг кто-то из них сказал.

Мей покосилась на меня, но я сидел молча. Я совершенно не представлял, как тут реагировать.

– «»Он» не умер», так он сказал, – тихо продолжила Мей. – «Смотрите, «он» здесь, с нами». Он показывал на парту того ученика и все повторял: «Смотрите, «он» вот здесь, живой, «он» прямо здесь»…

И тогда остальные ученики один за другим подключились и тоже стали говорить: «Точно, «он» не умер, «он» жив, «он» здесь…» Это разошлось по классу, как цепная реакция.

Никто не хотел верить. Они просто не могли принять тот факт, что самый популярный ученик в классе так вот взял и умер. Их чувства вполне можно понять. Но… проблема в том, что они продолжали это и дальше.

– «Это»? – я раскрыл рот впервые с начала ее рассказа. – Что за «это»?

– Весь класс и дальше продолжал делать вид, что тот ученик жив. Классный тоже подключился. Он им говорил: «Конечно, «он» не умер. «Он» жив, «он» сейчас здесь, «он» по-прежнему наш одноклассник. И мы должны все вместе трудиться, чтобы закончить год». И так далее.

«Мы все должны помогать друг другу, и тогда ваш последний год в средней школе пройдет хорошо», – не знаю, почему, но мне вспомнилась речь Кубодеры-сэнсэя, когда он представлял меня классу в мой первый день в школе; она наложилась на слова учителя двадцатишестилетней давности в пересказе Мей.

«Каждый из нас сделает то, что должен. И тогда в марте будущего года…»

– В общем, весь класс три-три так вот и провел остальную часть своего последнего учебного года в средней школе. Парту умершего ученика они оставили в точно таком виде, в каком она и была, и иногда подходили поговорить с «ним», или дурачились, или шли домой вместе с «ним»… Конечно, они всего лишь делали вид. А когда пришло время выпускной церемонии, директор даже выделил стул для этого ученика.

– Это все правда? – спросил я, не в силах больше сдерживаться. – Это не какая-нибудь байка или легенда?

Мей не ответила, а просто продолжила спокойно пересказывать историю.

– После церемонии они все вместе сфотографировались в классе. Все ученики и классный. А потом, когда они разглядывали фотку, они кое-что обнаружили.

Мей сделала еле заметную паузу, потом произнесла:

– В углу фотографии они увидели того ученика, хотя «его» просто не должно было там быть. «Он» улыбался вместе со всеми, и его лицо было бледным, как у мертвеца.

Значит, все-таки легенда. Возможно, одна из «Семи тайн» Северного Ёми. Впрочем, если так, то очень уж детальная.

Однако, хоть я и думал так, почему-то просто отмахнуться от этой истории как от обычной страшилки не получалось. Я пытался заставить себя улыбнуться, но в результате у меня только щеки задергались.

Лицо Мей все это время оставалось бесстрастным.

По-прежнему глядя в одну точку, она сжала губы, ее плечи несколько раз медленно поднялись-опустились… а потом она наконец добавила почти шепотом:

– Того ученика – ну, который умер – звали Мисаки.

Это был удар под дых.

– Мисаки? – мой голос едва не сорвался на визг. – Это… фамилия была? Или имя? Это вообще был парень или девчонка?[1]

– Ну…

Она не знает? Или знает, но не хочет мне говорить? Мей слегка опустила голову; ее отсутствующее выражение лица абсолютно ничего мне не говорило.

– Кажется, есть варианты, в которых имя «Масаки», но их меньшинство. Думаю, это на самом деле «Мисаки».

…Двадцать шесть лет назад.

Я начал переваривать историю, рассказанную Мей.

Двадцать шесть лет назад учился в классе 3-3 парень или девушка по имени или фамилии Мисаки, и его/ее все любили…

…Стоп.

Погодите-ка.

Внезапно до меня дошло кое-что.

Если это было двадцать шесть лет назад, то, может, мама… Рицко, моя мать, умершая пятнадцать лет назад, – она же как раз тогда училась в средней школе? Если так, то, вполне возможно…

Не знаю, заметила ли Мей, что я чуть изменился в лице. Так или иначе, она снова откинулась на спинку дивана и тем же тоном, что и раньше, сообщила:

– Вообще-то у этой истории есть продолжение.

– Правда?

– Можно сказать, то, что я тебе рассказала, – это только пролог.

И тут –

Из моей сумки, лежащей на диване, раздался энергичный электронный звук. Мне кто-то звонил на мобильник. Похоже, я забыл поставить его на вибру.

– Ой, прости.

Я поспешно залез в сумку и вытащил телефон. На экране значилось: «Йомияма – бабушка с дедушкой».

– Аа, Коити-тян?

Я так и думал – это был бабушкин голос.

– Где ты? Уже поздно…

– Ээ, прости, ба. Я шел из школы, но по пути отвлекся… Ага, уже иду… Как я себя чувствую? Все отлично, не волнуйся.

Я поспешно разъединился и вдруг заметил, что струнная музыка, которая было смолкла, сейчас опять играет. «Ох…» – подумал я и обернулся. За столом у входа снова сидела старуха; не знаю, когда она успела вернуться. Она смотрела в нашу сторону, но из-за очков с темными линзами я не видел ее глаз.

– Ужасная машинка, – Мей с отвращением смотрела на мою руку, сведя брови. – Ты можешь быть где угодно, но все равно ты не один. Тебя могут достать.

После этих слов она поднялась на ноги и молча направилась к лестнице. …Что? Она опять собирается в тот подвал?

Мне идти за ней? А если я пойду за ней и обнаружу, что ее там нет… блин, да что со мной? Что за идиотские мысли. Такого просто не может быть. Ясно же, что не может. Так что… но…

Пока я колебался, старуха у входа вдруг произнесла глухим голосом:

– Мы скоро закрываемся. Вам пора идти домой.

[1] Напомню, что имя Мисаки – как правило, женское. А по рассказу Мей в оригинале пол ученика не опознается никак.

http://tl.rulate.ru/book/89941/2883777